

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. П. СМЕРНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ*

Теме формирования татар Поволжья посвящено немало работ. Все высказанные точки зрения могут быть сведены к следующим.

Часть исследователей считала татар Поволжья одним из турецких народов, получивших свое имя от монгол и говорящих на одном из турецких языков. Эти исследователи полагают, что татары сложились из различных народов, попадавших в разное время в лесостепное Поволжье, и включили в свой состав местные финские племена. Процесс сложения этого народа начался с эпохи монгольского завоевания. Эту точку зрения разделяли многие историки, в том числе Губайдулин, Воробьев и Веселовский.

Другие исследователи считали татар Поволжья в основном монголами, среди которых можно отметить некоторую струю тюркских элементов. К этой группе относятся Клапрот, Иакинф, Доссон, Вольф, Эрдман, Радлов, Бартольд.

Наконец, была высказана третья теория, сторонники которой выводили татар от булгарских племен. Эту точку зрения отстаивали М. Г. Худяков, С. П. Толстов.

Древние авторы в большинстве своем считали татар тюрками. Так, Рашид-Эддин-Джувейни отмечал, что татары называют себя монголами и это имя приняли многие турецкие роды; по происхождению же они были тюрками. На той же точке зрения стояли Махмуд Кашгарский, анонимный автор, Ибн-Батута и Абуль-Гази. При этом Ибн-Батута утверждал, что тюркский язык был не только народным языком, но в эпоху хана Узбека — языком правящей верхушки.

Для правильного понимания этногенеза казанских татар недостаточно изучить исторический процесс, начиная с эпохи монгольского нашествия, а необходимо рассмотреть и более ранние эпохи.

Исторический процесс в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье достаточно хорошо изучен, начиная с I тысячелетия до н. э. Это время (ананьинская культура) известно по материалу городищ и могильников. Ряд сводных работ по памятникам этого времени, из которых отмечу исследования А. А. Спицина¹, А. М. Tallgren², А. В. Шмидта, дают основание утверждать, что культура этого времени генетически

* Доложено на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

¹ А. А. Спицин. Приуральский край; см. Материалы по археологии восточных губерний России, вып. I, М.

² А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie Orientale. Helsinki, 1919.

связана с культурой предшествующей эпохи, которая испытала воздействие южной — срубной культуры.

Большой интерес представляет антропологический материал этого времени. При раскопках Луговского могильника было получено 36 черепов. Исследованиями Т. А. Трофимовой установлен резко выраженный монголоидный их характер; лишь на некоторых отмечена слабо проявленная европеоидная примесь. Т. А. Трофимова в своей работе³ отметила, что монголоидный тип, представленный в погребениях Луговского могильника, отличается относительно низким и очень плоским лицом с крайне слабо выступающим носом и обладает резкопокатым лбом с сильно развитым надбровьем.

Более южные памятники срубной культуры дают иной материал. Два могильника у Маклашеевки и Полянок позволили тому же автору установить европеоидный тип населения этой части Поволжья (район нижнего течения реки Майны и Утки). Т. А. Трофимова отмечает, что эти черепа сближаются с аналогичным материалом этого времени степей Украины и Поволжья. В этом сходстве нет ничего необычного, так как оба отмеченных могильника (у Маклашеевки и Полянок) относятся к срубной культуре и расположены на северной ее границе.

Т. А. Трофимова полагает, что смешение европеоидных и монголоидных типов в Прикамье началось еще в предананьинскую эпоху; эти черты прослежены у населения болгарской эпохи и у ряда современных народностей Волго-Камья и Приуралья: мари, чувашей, удмуртов, татар, башкир.

Отмеченные выводы антропологов имеют существенное значение при решении вопроса о формировании татар Поволжья.

Для восстановления физического облика человека ананьинской культуры могут иметь некоторое значение и две могильные плиты с фигурами мужчины и женщины, у которых, несмотря на весь схематизм изображения, может быть констатирована монголоидность⁴.

Установленное антропологами смешение монголоидов с европеоидами с ананьинской эпохи шло за счет проникновения некоторой части населения с юга из области срубной культуры, а с другой, за счет пришлого населения с востока — из Сибири, из области Енисея, где обитали племена, которых китайцы называли динлинами. Это последнее событие документируется довольно хорошо археологическим материалом, происходящим из Ананьинского могильника и из ряда мест Молотовской области.

К этой группе вещей надо отнести, прежде всего, клевец с плоским обушком и с головкой хищной птицы, помещенной в углу между втулкой и боевым выступом клевца, тип, широко распространенный в области Енисея в памятниках Тагарской культуры. К этому же разделу относятся бронзовые и железные кинжалы с плоским навершием и с перекрестьем в форме крыльев бабочки.

Из числа случайных находок к этой же группе необходимо отнести бронзовые фигуры оленей с подогнутыми ногами и длинными ветвистыми рогами, прижатыми к спине; навершие с фигурой горного козла и закругленными рогами и бронзовые кинжалы с прорезной рукояткой⁵.

Трудно думать, чтобы эти рядовые вещи, аналогичные по назначению тем, которые производились в области племен ананьинской культуры, могли попасть сюда только в результате обмена. Вероятнее всего, здесь было также и проникновение самого населения. Не исключается возможность, что военные отряды динлинов ходили в далекое

³ Т. А. Трофимова. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. Краткие сообщения ИИМК, IX, М., 1941.

⁴ J. R. Aspelin, *Antiquités du Nord finno-ougrien*. Helsinki, 1877, № 402, 403, p. 107.

⁵ J. R. Aspelin. *Op. cit.*

Прикамье и здесь частично могли остаться. Проникновение сибирского элемента продолжалось и позднее, в эпоху пьяноборской культуры. Достаточно указать на большое сходство Подчеремских находок с вещами Ишимского клада и сходство вещей звериного стиля Уфимского могильника с аналогичными вещами с Енисея. Однако нельзя считать, что этот сибирский элемент здесь, в Нижнем Прикамье, был особенно значительным.

Гораздо большее значение имела связь с Западным Поволжьем. Сравнивая материал могильников первых веков нашей эры типа Конибеевского могильника с могильниками пьяноборской культуры, мы видим одни и те же типы шейных гривен, тот же венчик из ремня с узкими штампованными пластинками. Сюда же надо отнести близкие по форме ажурные застёжки и коньковые привески. Повидимому, в первые века нашей эры племена обеих областей входили в один племенной союз, а это неизбежно вело к тесному сближению населения.

Магические и культовые предметы пьяноборской эпохи также свидетельствуют о тесном смешении отдельных племен в этот период. Фигуры зверей, характеризующие в основном тотемистические представления, существующие в ту эпоху в виде пережитка, имеют черты, позволяющие говорить о смешении в одних и тех же изображениях черт, свойственных различным животным. Так, среди предметов Гляденовского кистища имеется фигура лося с мордой хищника, возможно волка⁶. То же самое можно указать и среди вещей Подчеремского клада, где имеются фигурки лошадей с петлями для ношения. У этих изображений хорошо переданы морда лошади, а хвост и туловище какого-то мелкого хищника. Подобное же явление изучал проф. В. А. Городцов на сибирском материале; им была высказана мысль, что такое соединение в одном изображении особенностей различных животных отражает людские отношения и говорит о смешении родов и племен и слиянии их.

Эти факты показывают, что в пьяноборскую эпоху в Прикамье начали складываться племенные союзы, первый шаг к формированию народов.

К этому же времени пьяноборской эпохи относится и проникновение в Прикамье сарматских племен, доказательством чему может служить могильник близ г. Уфы, открытый П. Ф. Дмитриевым, и ряд сарматских погребений Куйбышевской области, где они известны в районе рек Сок и Кондурча. Сарматские черты сохранились и в культуре булгар.

Так, посуда булгарской культуры до позднего времени сохранила лощение, известное со времени сармат, причем самый характер лощения (полосами) остался тот же. Форма сарматских чашек с невысоким горлом, раздутыми боками и ручками, часто имитирующими фигуру животного, сохранилась в булгарскую эпоху в виде крынок с высоким горлом, сильно раздутыми боками и с выступами на ручках — далекий пережиток ручек, трактованных в виде фигур зверей. Но помимо керамики можно указать ряд других вещей из Прикамья, точно воспроизводящих вещи аланских могильников. К их числу надо отнести привески в виде круга, колеса, с выступами по краям. Одни из этих привесок довольно простые, другие более сложные, ажурные⁷. К этой же категории относится плоский круг, украшенный точечным орнаментом и по внешней стороне четырьмя головками хищных птиц, — предмет, имеющий аналогии среди вещей аланской культуры Северного Кавказа. Близкие по форме вещи распространены и на территории самой

⁶ Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии, вып. XI, Пермь, 1914, табл. III, стр. 19.

⁷ J. R. Aspelin. Op. cit., № 632—639, p. 150.

волжской Булгарии. Наконец, не редкими в Нижнем Прикамье являются серьги аланского типа. Все это подтверждает сведения византийских историков о приходе булгар, входящих в состав аланских племен, на Нижнюю Каму. Сарматские черты прослеживаются и в антропологическом материале XIII—XIV вв. Т. А. Трофимова в своей работе отмечает: «В общем же болгарские черепа из Суvara и Болгар, как монголоидные, так и европеоидные, — брахицефальны. Черепа же болгарской эпохи, описанные Г. Ф. Дебецем из Черной Палаты и Бабьего бугра, характеризуются мезокефалией. Европеоидный тип исследуемых черепов морфологически близок с типом короткоголового населения сарматской эпохи из степей Нижнего Поволжья».⁸

Этот период (VI—IX вв.) является временем развития и расцвета Хазарского каганата. Хазары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы и, в первую очередь, население, занимавшее область Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. В эту эпоху тюркский элемент проник в значительной части в область Булгарии. Хазары несомненно и явились первыми владельцами того торжища, на месте которого позднее выросла международная ярмарка — город Булгар. До половины X в. булгары находились в зависимости от хазар. В записке Ибы-Фадлана приведено сообщение о том, что булгары платят дань хазарскому царю, приводятся сведения о военных походах хазар на булгар. Все это дает основание относить первое крупное проникновение тюркских элементов, которые сохранились в языке современных татар, к VI—X векам.

Булгарское государство, возникшее в X в. было многоплеменным. Наряду с местными племенами, оставившими нам городища с рогожной керамикой, мы видим пришлую булгарскую орду, из числа аланских племен, отмеченную выше, видим сильное влияние хазар и проникновение с ним и тюркского элемента. Наконец, мы встречаемся здесь с представителями многочисленных народов, осевших в Поволжье. Здесь, как и южнее, в памятниках Цимлянского городища, была сильна славянская струя. В Цимлянском городище раскопками последних лет открыто большое число чисто славянских погребений. О русских в Булгарии много говорят арабские источники. Повидимому, руссы, привлеченные торговлей с местными жителями, имели многочисленные колонии и в какой-то степени могли ассимилироваться с местным населением. Известно, что булгары также уходили в русские земли, в частности во Владимиро-Суздальское княжество. Вторым путем ассимиляции с русскими явились войны и, как результат их, пленные.

В. В. Бартольд считает возможным отнести к волжским булгарам известие о «государе славян», к которому наравне с государями греков и хазар обратились в 852 г. с просьбой о помощи бежавшие от арабов армяне.⁹ Наконец, в собственно Булгарии осели представители окрестных чудских племен. Это последнее хорошо прослеживается на археологическом материале. При исследовании Суvara среди керамического материала было найдено несколько интересных предметов, выходящих из рамок булгарской культуры. Это — фрагменты посуды черного цвета с примесью раковины, вылепленной от руки без гончарного круга и украшенной веревочным и зубчатым орнаментом, и обломок чаши с закругленным дном, украшенным веревочным орнаментом, типичным для Закавказья. Эти памятники можно приписать выходцу из Закамья, осевшему в городе Суваре.

⁸ Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ, вып. 63, М., 1941, стр. 186.

⁹ В. В. Бартольд. Арабские известия о Руссах; см. Советское востоковедение, т. I, 1940.

Интересен и другой сосуд баночной формы с грубой (от примеси крупнозернистого песка) поверхностью и с широким, отогнутым венчиком, имеющим близкие аналогии в керамике поздне-дьяковской культуры и в керамике мордовских могильников. Этот памятник точно так же говорит о пришельце с правобережья Волги, переселившемся в Булгарию вместе со своими культурными навыками.

Наконец, большое число украшений, свойственных племенам Среднего и Верхнего Прикамья, находят на территории Булгарского царства. В качестве примера можно привести коньковую привеску из Булгарии¹⁰, и более позднего типа — из Билярска.¹¹ Подобных коньковых привесок довольно много в коллекции Государственного музея Татарской АССР и Казани. Все эти материалы свидетельствуют о наличии среднеуральского населения в области булгар. Картину смешанного населения в булгарских городах дали исследования, кроме Сувары, еще и Билярска, где наряду с чисто булгарской керамикой, генетически связанной с сармато-аланской культурой, имеется значительное число фрагментов посуды, известной под именем финской.

Большую роль в формировании казанских татар сыграли половцы, принимавшие участие в политической жизни страны, о чем можно судить хотя бы по описанию в русской летописи под 1183 г. — годом похода русских на булгар. В археологическом материале булгар встречается немало половецких предметов, подтверждающих эти исторические сведения.

Все приведенные материалы свидетельствуют, что процесс формирования народов Нижнего Прикамья в булгарскую эпоху был весьма сложным. Наконец, нельзя обойти молчанием прилив населения из Средней Азии. Из записки Ибн-Фадлана можно установить, что еще до приезда посольства халифа Муктадира в Булгарию проживали ремесленники из Средней Азии. После же установления связей, явившихся в результате посольства 922 г., количество мастеров разного рода увеличилось. Эти ремесленники значительно усилили тюркский элемент в Булгарском государстве.

Останавливаясь на разборе всех археологических материалов эпохи Булгарского царства, проливающих свет на формирование татар Поволжья, нужно оговориться, что наибольший прилив населения из соседних областей, в частности из Средней Азии, испытала область Булгар, Биляр, Сувар, т. е. центр Булгарского государства. Но и здесь большая тюркизация и влияние арабской культуры падают на городское население, которое непосредственно было втянуто в экономические связи с Аббасидским халифатом. Деревня влияние новой арабской культуры испытала в меньшей мере; еще меньше коснулось оно окраин Булгарского государства.

Монгольское завоевание внесло незначительные изменения в состав населения Булгарии. Разгром 1236 г. коснулся в основном центральных районов. Татары не распространялись в глубь лесов. Разгромив города, монголы двинулись дальше, вторгнувшись в Рязанские земли в 1237 г. Русские летописи передают о втором погроме 1240 г., после чего между булгарами и завоевателями-монголами установились отношения, характерные и для Руси. Булгарские князья, как и русские, получили ярлыки на княжение; булгары, как и русские, были обложены данью. Можно ли говорить о какой-либо смене культуры и смене населения в Булгарию? Никаких оснований для этого нет.

Изучение булгаро-татарской культуры показывает много общего

¹⁰ J. R. Aspelin. Op. cit., № 783, p. 167.

¹¹ Ibidem, № 774, p. 166.

между памятниками первого и второго периода. Раскопки крупных городов, где сохранились остатки домонгольской эпохи — Суvara и Биляра, показывают, что слои домонгольские переходят в слои XIII—XV вв. Это показывает, что уцелевшее население этих городов, изгнанное войной из родных мест, после ухода монгольской армии вновь вернулось и принялось восстанавливать свое хозяйство. Население строит дома того же типа. В центре Суvara восстанавливают дворец, используя старое основание. В бытовых памятниках также прекрасно видна преемственность. Многие типы керамики, характерные для болгарской эпохи, продолжают существовать и в монгольский период. Преемственность хорошо устанавливается и по украшениям. В частности, характерная для болгар манера украшать браслеты, броши, привески камнями и цветными стеклами, сканью и зернью продолжается и в монгольский период, примером чему могут служить вещи XIV в., хотя нужно отметить грубость и тяжеловесность вещей в этот период и небрежность их выделки по сравнению с вещами XI—XII веков.

Все материалы хорошо показывают дальнейшее развитие старой болгарской культуры. Вместе с тем археологический материал дает основание говорить о появлении нового пришлого населения. В золотоордынском слое Суvara среди развалин жилых домов болгарского типа, хорошо прослеженных в болгарском слое и известных по сведениям арабских писателей, появляется новый тип жилища, представляющий сруб с деревянным полом; это жилье вместо глинобитной печи имеет цилиндрическую печь типа мангал, хорошо известного в постройках Средней Азии, где он существует и поныне. Несомненно, что появление этих печей нельзя отнести за счет заимствования. Этот тип печи, в суровых зимних условиях Среднего Поволжья, намного уступал хорошо приспособленным глинобитным болгарским печам, по типу напоминающим русскую печь.

Этот материал позволяет говорить о появлении нового населения, пришедшего из Средней Азии и принесшего с собой свои культурные привычки. Необходимо учесть еще одно обстоятельство — стремление монгол переселять мастеров в города, в восстановлении которых они были заинтересованы. Это новое население могло внести новую тюркскую струю, хорошо прослеживаемую в языке и культуре современных татар Поволжья.

Судя по количеству построек с мангалами, это пришлое население не было многочисленным.

Остались ли монголы в Поволжье? Повидимому, нет.

Ни в археологическом, ни в антропологическом материале нельзя проследить тот тип, который известен по ряду описаний современников. Западные путешественники так характеризуют монгол: «Они несколько не походили на других людей, большее чем у других племен расстояние между глазами и щеками, выдающиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, небольшой рост, редкие волосы в бороде». Этому типу мы не найдем аналогии ни среди современных татар, ни в раскопчном антропологическом материале.

Как показывают исследования антропологов, татары Среднего Поволжья представляют собой европеоидную группу с незначительной монголоидной примесью. Среди татар встречаются: темный мезокефальный европеоидный тип (понтйская раса), напоминающий тип болгар и черкесов, светлые европеоидные типы и сублапоноидный тип — потомок древнего местного монголоидного населения ананьинской эпохи, широко распространенные среди окружающего финского и русского населения, и монголоидный — южносибирского облика, известный в южнорусских степях среди кочевников, как в до-золотоордынскую эпоху, так и среди племен, покоренных Золотой Ордой. Монголоидных

типов центральноазиатского происхождения, собственно монгольских, среди татар Среднего Поволжья антропологами не установлено¹².

Это доказывает, что татары, пройдя огнем и мечом волжскую Булгарию, не осели в Среднем Поволжье и во всяком случае не оказали заметного влияния на формирование физического облика современных татар.

После завоевания Булгарии монголами болгары еще долгое время сохраняли свое имя. Их князья, как и русские, пользовались большой долей самостоятельности во внутренних делах, получая ярлыки от ханов на княжение.

Под собственным именем болгар, а не татар, знает их и русская летопись. Так, в событиях 1311, 1366, 1370, 1374—1391 гг. болгары назывались или болгарями или (в Никоновской летописи) — казанцами или бесермянами, но нигде не обозначаются татарами.

Даже касаясь событий начала XV в., в частности похода князя Федора Пестрого, летопись называет болгар их именем. «В лето 6939... Того же лета от великого князя Василия Васильевича воевода князь Федор Давыдович Пестрой ходил на Болгары воевати да и взял». И позднее, перечисляя земли под русской короной, летописец сообщает: «Князь великий Иван Васильевич, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всеа Руси». Даже новая столица Булгарского царства, Казань, по свидетельству Нармухамета, сына Агмедзяна, называлась еще «Новый Булгар».¹³

В XVI в. для русского летописца казанские татары были синонимом болгар. Это мы значительно позже встречаем и у удмуртов, называющих татар бесерменами. Правда, в ряде мест слово бесерменин означает еще и «пришелец», «чужеземец».

На решение вопроса о принятии болгарями имени татар проливает свет Рашид-Эддин-Джувейни. Он пишет: «Они (татары) владычествовали и господствовали в древние дни большую часть времени над сильнейшими племенами и странами с могуществом, силою и совершенным почетом. Ради чрезвычайного величия и почтения их, другие роды турецкие, по смещению степеней, разрядов и имен их, стали известны под их именем и всех называли татарами. И те различные роды видели величие и достоинство свое в том, что относили себя к ним и стали известны под их именем».

Так вместе с другими народами это имя получили и болгары.

Сами болгары, повидимому, стремились сохранить свое имя довольно долго и в политическом отношении не сливались с Золотой Ордой, хотя в культурном отношении провести различие между болгарями и Золотой Ордой часто трудно. О стремлении болгар к самостоятельности и о желании татар окончательно подчинить болгар свидетельствует хотя бы событие 1370 г., когда русские с татарами ходили на болгар.

Для соседей сходство культуры болгар и Золотой Орды могло с XIV в. привести к путанице племенных названий.

Перенесение центра Булгарского государства в Казань и «Новый Булгар» и переход власти к Улу-Магомету, давшему государству новую политическую и военную организацию, укрепили это положение. С этого времени за населением Среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар. Это было только сменой названия, а сами татары, да и их соседи продолжали называть себя болгарями. Такая связь с болгарями сохранилась до настоящего времени. Татары,

¹² Т. А. Трофимова. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. «Советская этнография», 1946, № 3.

¹³ История Татарии..., стр. 122.

особенно старики, считают себя потомками болгар. Памятники болгарской истории (архитектурные сооружения, могильные плиты) считают священными и тщательно охраняют.

XIV век является временем расширения болгарского влияния на соседей. Это прекрасно видно по могильным памятникам, распространенным далеко за пределами основной болгарской территории. Мусульманская пропаганда под защитой ханов Золотой Орды приняла большой размах. Бесспорно и то, что разгромы основных центров Булгарии в конце XIV — начале XV в. (последний разгром — поход князя Ф. Пестрого в 1431 г.) привели к уходу населения в закамские леса, к ассимиляции местного финского населения и распространению болгарской культуры. Здесь можно поэтому говорить о вторичном скрещении с чудскими племенами.

В свою очередь эти народы оказали свое влияние на культуру и физический облик татар-болгар.

При рассмотрении памятников материальной культуры отмечено, что культура болгар золотоордынского времени сложилась на базе местной культуры предшествующей эпохи. Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то нетрудно убедиться в том, что болгарская культура явилась основой культуры казанских татар. Последняя за свой длительный исторический путь, как и культура всякого народа, впитала в себя большое число всякого рода влияний и ныне представляет собой сложный конгломерат.

Рассмотрение культуры татар Поволжья лучше всего провести по ее отдельным элементам.

Значительное место занимают памятники архитектуры. К сожалению, мы в настоящее время не знаем почти совсем архитектуры Казанского ханства, вследствие чего выпадает большой хронологический отрезок. Частично этот недостаток можно восполнить архитектурой Касимовского царства, дошедшей до нас в виде отдельных памятников.

Татарская архитектура, в частности жилище, прототипом своим имеет памятники болгар.

Жилище древних болгар достаточно полно выявлено раскопками развалин Суvara и Булгара; среди ряда домов, сохранившихся частично, были открыты здания, позволявшие точно установить, что тип жилища, существовавший в болгарскую эпоху, сохранился и в последующее время, хотя наряду с ним в XIII в. после монгольского завоевания появился и другой. Данные раскопок Суvara получили подтверждение у восточных писателей.

Древний болгарский дом — или сруб или глинобитное сооружение, по плану близкое квадрату, с глинобитной печью, поставленной на некотором расстоянии от стены. Перед печью имеется лаз в подполье, с двумя ямами-зернохранилищами. Удалось установить, что глинобитные дома имели плоскую кровлю. Дома были окружены хозяйственными постройками. Интересен богатый кирпичный дом, открытый в центре Суvara, построенный в X в., позднее разрушенный и неоднократно восстановленный. Первоначально это был дом почти квадратный в плане, с системой подпольного отопления; его окружали хозяйственные постройки и кирпичная стена.

Этот кирпичный дом по своему местоположению и инвентарю можно назвать дворцом. Повидимому, для X в. это была довольно редкая постройка. План этого дома в основном повторяет рядовые дома горожан и весьма близок дому, открытому В. А. Городцовым при исследовании старой Рязани. Явилось ли это сходство результатом влияния болгар на русских или, наоборот, русских на болгар, трудно решить. Вероятнее всего, что на создание общего типа повлияли местные усло-

вия, одни и те же для племен, составивших Булгарское царство и Рязанское княжество.

Подобные дома продолжали существовать и в золотоордынскую эпоху. Дворец же значительно изменился, он получил колонны и облицовку поливными изразцами. В XIII в. он представлял собой продолговатое здание с небольшой пристройкой — вестибюлем и имел, по видимому, два этажа. Этот тип дома позднее перешел в архитектуру Казанского ханства, о чем можно судить по материалу города Касимова¹⁴, где отмечен дом, аналогичный по общему виду суварскому. Как можно судить по раскопкам золотоордынских городов Нижнего Поволжья, богатых кирпичных зданий было довольно много. Их отличительной чертой была многокомнатность и полихромия в обработке.

Если взять современную татарскую усадьбу, то мы увидим черты сходства с древними булгарскими жилищами. У татар дом обычно ставился посреди усадьбы, на столбах и окружался хозяйственными постройками. Вся усадьба обнесена забором, выходящим на улицу, так, что улица представляет длинную глухую стену. Современный дом близок по плану к квадрату с печью посередине или ближе к глухой стене. В доме имеется деревянный пол. Наряду со срубом, в южных районах встречаются дома и бани, на половину врытые в землю и представляющие как бы землянку с накатом и плоской крышей¹⁵, дома глинобитные, саманные. Рассматривая их, мы видим, что современные постройки получили развитие от древних булгарских. Древние глинобитные здания могут быть сопоставлены с современными саманными постройками.

В орнаментике татарского жилища основным элементом является не резьба, а богатая полихромная раскраска. Как правило, на основном зеленом или желтом поле даются узкие планки белого цвета, перемежающиеся с синим и красным. Ворота также окрашиваются в зеленый тон; все же детали, как то планки и розетки, — в желтый и голубой тона.

Разбирая орнаментику татарского дома, невольно хочется вспомнить дома булгаро-золотоордынского периода, где мы встречаемся с отделкой здания полихромными изразцами, причем расцветка современных домов дает тона, аналогичные золотоордынским поливным изразцам. Данные, которыми мы располагаем, позволяют утверждать, что архитектура современных татар получила развитие от булгарской, от их городских построек и городской усадьбы.

Такую же преемственность можно установить и по другим разделам культуры. Богатый материал дают различные украшения из металла и камня. Чаще всего для украшений употребляется серебро. Золото встречается редко, медь и другие металлы идут лишь в качестве подсобного материала.

Значительное место в современных украшениях занимают монеты, употребляемые в виде подвесок. Для этой цели шли царские серебряные рубли. Богатые татары пользовались и золотой монетой, в частности иностранной. По технике изготовления металлические украшения или сплошные, изготовленные литьем, чеканом и гравировкой, или ажурные, сканной техники. Скань бывает различного качества как по сложности рисунка, так и по технике исполнения. Н. И. Воробьев отмечает, что скань имеет огромное распространение в татарских украшениях и является наиболее оригинальной орнаментикой их¹⁶. Другой

¹⁴ Палас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1773, стр. 43, 44.

¹⁵ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., стр. 11.

¹⁶ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 387.

особенностью татарских ювелирных изделий являются камни, составляющие в ряде изделий основной орнаментальный мотив. Ряд изделий, например, бусы и различные привески, имеют значение амулетов. Из камней чаще употребляются бирюза, сердолик, топаз, яшма, аквамарин. Кроме таких ценных камней широко применяется, особенно бедными татарами, стекло, подделываемое под драгоценные камни.

Большинство украшений готовится на месте, в самой Казани и в различных пунктах Татарии. Но встречаются и привезенные из Средней Азии, Ирана, Турции.

Можно считать бесспорным, что современное ювелирное искусство татар сложилось и развилось на базе болгаро-татарского. Для болгарского ювелирного искусства, кроме широко распространенных литых и чеканных вещей, характерными являются сканные, украшенные камнями или стеклами. Весьма изящны вещи X—XI вв., позднее они несколько грубеют. В XIV в. это искусство переходит в города Нижнего Поволжья и получает широкое распространение; подобной же техники вещи мы встречаем у современного населения края.

Точно такую же зависимость можно установить, анализируя формы украшений. Для примера можно взять нагосник, представляющий пластинку треугольной или круглой формы с привесками¹⁷. В качестве близкой аналогии можно указать среди вещей из коллекции Заусайлова аналогичный по назначению и близкий по форме предмет, происходящий из Билярска¹⁸. Много таких вещей и в коллекции Лихачева в Казани. То же можно сказать о типах серег, застежек, нагрудных украшений «хасиме» и других. Правда, среди археологического материала мы не встретим полностью нагрудных украшений, но отдельных бляшек в виде круглых и других форм пластинок найдем не мало. Так, в собрании Государственного музея Татарской Республики имеется хасиме, богато украшенное бляшками разной формы, расположенными в живописном беспорядке. Среди блях можно указать некоторые повторяющиеся мотивы, известные в археологическом материале¹⁹. Таковы бляшки коллекции Заусайлова, происходящие из Билярска. Они представляют собой круглые, чеканные пластинки с рельефным звездчатым орнаментом²⁰. Этот орнамент широко распространен и на болгарских вещах, встречается он и на архитектурных памятниках, и как завершение могильных плит. Таковы же бляшки в виде овала с вырезкой сердцевидной формы, украшенные растительным узором. Весьма много аналогий можно указать среди браслетов пластинчатых, несомкнутых, часть которых украшена вставками из камней и стекла. Много общего в перстнях и других украшениях. Должен оговориться, что сходство идет значительно дальше общих форм. Сходство заметно в деталях и в орнаментике. Наконец, можно заметить аналогию и в области керамического производства.

Форма сосудов, из которых укажу на большие корчаги, их лощение и орнамент напоминают памятники болгаро-татарской эпохи. Если мы возьмем прикладное искусство татар, хорошо известное по народной архитектуре, по различным частям костюма, то мы встретим большое число элементов, характерных и для болгаро-татарского искусства; в их числе трилистник, звезда, круг, стилизованный растительный орнамент в виде спиралей и кругов.

Недостаток археологического материала не позволяет сравнить все категории материальной культуры татар с соответствующими памятниками болгар.

¹⁷ Коллекции Государственного музея ТАССР. Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 96.

¹⁸ A. M. Tallgren. Collection Zausaïlov, v. II, Helsinki, 1918; v. VIII, p. 1.

¹⁹ Воробьев Н. И. Указ. работа, стр. 406.

²⁰ A. M. Tallgren, Op. cit., v. II et VIII, p. 23.

Мы не знаем ни из данных археологии, ни из описаний древних авторов, как одевались булгары и татары эпохи Золотой Орды. Отдельные заметки, как, например, у Платона Карпини, отметившего, что женская одежда была длинной, с разрезами спереди до земли, а мужская шилась из шкур шерстью наверх, не дают ни малейших оснований для сравнения с современным татарским костюмом. Для более позднего периода не лишена интереса заметка Герберштейна, указавшего на сходство женской и мужской одежды. Авторы XVIII в. описывают тот костюм, который продолжал существовать и в XIX и в начале XX в., но отмечают черты, которые сближают одежду татарок с чувашской, как бы подчеркивая происхождение обоих народов из одного корня. Н. И. Воробьев отмечает: «Повидимому, татарский костюм сложился, с одной стороны, из какого-то предка современного татарского и чувашского костюма, вероятно, болгарского с сильным финским влиянием, а с другой, все увеличивающееся количество кыпчакских переселенцев в край приносило одежду кочевых турок Азии и южной Европы, описанную, хотя и мало понятно, средневековыми путешественниками»²¹.

Отдельные части татарской одежды имеют ту же форму, что и у других народов Прикамья. Так, татарские рубахи аналогичны финским и отличаются от последних только тем, что шьются из широкого холста, а не из узкого, как у финнов Поволжья.

Особый интерес представляет шапка. В настоящее время у татар имеется две разновидности: сферическая и цилиндрическая. Первая обычно шьется из сукна, драпа, почти всегда черного цвета. Эти сферические шапки носят обычно крестьяне и бедные горожане, особенно старики. Высота этих шапок 15—20 см. Этот тип сферической шапки в настоящее время является наиболее распространенным; эту форму надо считать специфической для татар, тогда как у других турецких народностей обычно употребляется коническая шапка с широкой опушкой из меха. Н. И. Воробьев считает, что «при детальном изучении можно с некоторой долей вероятности предположить, что полусферическая шапка произошла из того же источника, как и такия, т. е. из подшлемника, но никак не из персидского Калапуша»²². Другие исследователи полагают, что шапка эта заимствована от персов.

С этими гипотезами трудно согласиться. Изображение воина на плите из Ананьинского могильника передает тот же тип шапки, близкой к конической. Проще всего этот тип сферической шапки выводить из головного убора ананьинской эпохи. Там эта шапка имеет у основания две черты, которые, может быть, передают опушку²³. Эти данные, общность с чувашской одеждой и ананьинской эпохой свидетельствуют о глубоких местных корнях татарской культуры. Основой ее является булгарская, на которую за долгий промежуток времени наслонилось большое число всякого рода влияний.

Следует также помнить, что один из самых крупных пережитков древних форм у татар — остатки кочевого быта — опять-таки связывают их с древними булгарами, у которых в быту элементы кочевой жизни уже в X в. существовали в качестве пережитка, как об этом можно судить по записке Ибн-Фадлана.

Наряду с пережитками кочевого быта, идущего от булгар, у татар сохранялось не мало элементов домусульманских верований, причем эти последние весьма близки к родовым религиозным верованиям других народов Поволжья.

Интересный материал, указывающий на глубокие местные корни,

²¹ Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 348.

²² Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 363.

²³ J. R. Aspelin. Op. cit., p. 402.

дает мифология казанских татар. Несмотря на то, что мусульманство стало господствующей в крае религией еще со второй четверти X в., все же в представлении татар сохранялось и до последнего времени много пережитков родовой религии, весьма сходных с представлениями других народов Поволжья и Прикамья²⁴.

В данном случае важна мифология, сохранявшаяся с глубоких времен в Вятско-Камском крае. Здесь прежде всего надо отметить веру в домового (ой-эйсе); в представлении татар — это старик с длинными волосами. Имеется у татар и хозяин хлевов (абзар-эйсе), показывающийся людям в виде человека или животного. Он имеет отношение к скоту. Ой-эйсе и абзар-эйсе весьма сходны с соответствующими образами мифологии удмуртов.

Бичура, по мифологии татар, маленькая женщина ростом в 125 см, со старинным головным убором, живет в подполье или в бане. Из-за Бичуры иногда бросали дом, или же, наоборот, считали, что Бичура помогает хозяину разбогатеть. Близо стоит к ней Юртаве — богиня очага, дома из мордовского пантеона.

У всех народов Поволжья сохранились пережитки веры в лешего. В татарской мифологии он под именем Шурыле живет в дремучих лесах, похож на человека, имеет длинные крепкие пальцы до 12 см длины и необычайно длинные сосцы, которые он закидывает через плечо. Он любит уводить прохожих в глубину леса, любит кататься верхом. Сохранилось предание, в котором описана Шурыле-женщина; она сидела на лошади нагая, задом наперед, голову имела маленькую с короткими волосами, груди висели через плечо. Аналогичны Шурале-Алида, Чатчес-нюня и Нюлес-нюня — удмуртской мифологии или Вирь-аве — мордвы, или Арсури — чуваш.

Албасты — злые существа, живущие в нежилых домах, на пустырях, на полях и в логах, являются людям в виде человека или большого воза, стога, скирда, елки. Албаст может задавить человека насмерть, причем выпивает из него кровь. Ближайшей аналогией ему по характеру и даже по имени является Албаст удмуртов, живущий по преимуществу в пустых домах и банях. Чтобы изгнать его оттуда, надо занятые им строения предать огню²⁵.

Ряд духов, по представлениям татар, живет в воде: сыубабасы (водяной дед — главный хозяин), сыу-эясе — его сын; сыу-анасы аналогична русской русалке. Сыу-бабасы татар весьма близок Ву-мурту удмуртов.

Большой интерес представляет вера в Юху — змею-девицу, с которой можно связать часть археологического материала, среди которого имеется большое количество предметов, отражающих этот раздел мифологии. По представлениям татар змей до 100 лет живет в своем виде; после 100 лет он превращается в человека-девицу (юху), но может принимать образ коровы, собаки, кошки.

В археологическом материале Прикамья изображения змей идут с глубокой древности. Наиболее ранние из них найдены в Гладеновском костыше, начало которого относится к VI в. до н. э. Наряду со змеями весьма часты фигуры драконов; ряд их относится ко времени возникновения нашей эры, примером чего может служить могильник Ныргинда, где ажурная пластинка представляет дракона с сидящей на спине женщиной с ребенком. Отдельные фигуры драконов встречаются и в более позднее время, в так называемую ломоватьевскую эпоху. Эти

²⁴ Каюм Насыров. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суинитского магометанства; см. Записки Русского Геогр. о-ва по отд. этнографии, т. IV, 1880, стр. 241—270; Я. Д. Коблов. Мифология казанских татар; см. Известия О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXVI.

²⁵ «Религиозные верования народов СССР», т. II, М., 1931, стр. 225.

изображения, в настоящее время трудно интерпретируемые, указывают на глубокую древность данных представлений у народов Прикамья. Они еще раз подтверждают местную основу татар Поволжья.

Особенно ярко связь с другими народами Поволжья сказалась в вере татар в керемети. Кереметью называлось жертвенное место, где совершалось жертвоприношение, а также и сам дух, обитающий в данном месте. Татары приносили керемети жертвы, для чего резали скот. Мусульманское духовенство вело упорную борьбу с этим верованием. Оно характерно для всех народов Среднего Поволжья и Прикамья. Так, у чуваш кереметью или ирзаман называлась четырехугольная площадь, отгороженная забором, где совершалось жертвоприношение. Кереметью назывался и сам дух. В жертву ему приносилось обычно животное, прошедшее особое испытание²⁶. Подобные представления существовали и у удмуртов, которые под именем Кереметь или Шайтан признавали злого бога, в противоположность доброму Инмару. Кереметью же у удмуртов называли и жертвенное место, где обычно приносились жертвы этому злему духу. Существовало верование в Кереметь и у мордвы, хотя и не было распространено так, как у чуваш и удмуртов. У мордвы существовало Кереметь-сзек — моление Керемети. Это моление в старые годы происходило около Петрова дня и устраивалось в лесу около большой березы. На праздник собирались жители окрестных деревень и приносили с собой хлеб, мясо, брагу и вино. Сначала молились, потом пировали и веселились.

Второе моление у мордвы, связанное с Кереметью, называлось Кереметь-озис-сабан — моление сохе-плугу. В некоторых местах это моление называлось сабан-озис. Там, где поблизости от деревни сохранились леса или деревья, там и совершались моления. Каждая семья приносила петуха или селезня, которых резали, варили похлебку, совершали моление и съедали похлебку²⁷. Моление в роще было известно и у мари и связывалось с именем Кереметь-арка. Там на праздник резали скот.

Из приведенного материала видно, что вера в Кереметь в наиболее архаичной форме наблюдалась у чуваш и удмуртов, в меньшей мере — у мордвы. Несомненно, борьба мусульманского духовенства с верой в Кереметь привела к тому, что у татар остались только незначительные следы этих верований. Бесспорно, что к поволжским татарам это моление перешло от их предков. Полагать здесь заимствование от соседей нет никаких оснований.

Подводя итог, нужно сказать, что процесс формирования татар Поволжья весьма длителен и сложен. Его нельзя начинать с эпохи монгольского завоевания, как это обычно принято. Это время внесло меньше всего новых элементов в этногенез татар.

В наиболее раннюю эпоху Нижнее Прикамье, где много позже возникло Булгарское царство, представляло пограничную зону между степью, где обитали племена срубной культуры, и лесом, где существовали стоянки типа Карташихи, Габаево, Вороний Куст, послужившие основой для ананьинской культуры. В I тысячелетии до н. э. мы видим внедрение, с одной стороны, представителей племен срубной культуры, а с другой, отрядов племен с далекого Енисея. Это обстоятельство, по мнению антропологов, положило начало складыванию нового типа, характеризуемого присутствием европеоидно-монголоидных форм.

В первые века нашей эры возник племенной союз, объединивший

²⁶ В. Сбоев. Чуваш в бытовом, историческом и религиозном отношении, 1865, стр. 88.

²⁷ М. Г. Маркелов. Мордва; см. сборник «Религиозные верования народов СССР», т. II, М., 1931, стр. 199.

племена Нижнего Прикамья и западной части Среднего Поволжья. К этому времени относится и проникновение сарматских племен (могильник близ Уфы). В середине I тысячелетия сюда откочевали булгарские племена, в основе своей сармато-аланские, но несомненно испытывавшие гуннское влияние. Эти племена ассимилировались с местным оседлым населением, подчинив его себе.

Во второй половине I тысячелетия н. э. Среднее Поволжье попало под власть Хазарского каганата. Население его испытало первую струю тюркского влияния и несколько ассимилировалось с пришельцами. В следующий период Булгарского государства многочисленные племена Среднего Поволжья испытали вторую волну тюркского влияния, в частности большую роль сыграли половцы. Одновременно здесь появляются и руссы, армяне и представители других народов.

Погром Батыя не внес почти ничего нового в процесс формирования татар. В XIII—XIV вв., с развитием городов Булгарского царства, здесь усилился приток новых тюркских элементов из Средней Азии, что привело к расцвету некоторых отраслей промышленности.

В начале XV в. разгром основной территории булгар татарами, а затем русскими, послужил толчком к отливу населения в лесное Закамье, что вызвало ассимиляцию с местными чудскими племенами.

После перенесения столицы в Казань туда могли попасть вместе с правящей верхушкой дружинники, как, например, дружина 3 000 воинов, пришедшая с Улу-Мухаметом. Это обстоятельство несколько усложнило процесс формирования татар Поволжья.

Последним крупным внедрением других народов в Нижнее Прикамье было завоевание Казани в 1552 г., приведшее к колонизации края русскими, но на формирование татар это не могло оказать большого влияния, так как русские, захватывая земли, оттеснили татар на восток и юго-восток.
